

ЭНАКТИВИЗМ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НАУК О СЛОЖНОМ

Современные науки о сложном оказывают существенное воздействие на представления о взаимоотношениях человека со средой. Они интегрируют достижения системного подхода, кибернетики, синергетики, выстраивая онтологию многообразия, что требует радикального концептуального поворота в эпистемологии. Энактивизм является недооцененной эпистемологической стратегией, которая исходит из представлений о сложных самоорганизующихся системах, о видах взаимосвязи между познающим и познаваемым. Декларируя функциональное равенство субъекта и объекта, энактивизм демонстрирует сходство с некоторыми принципами новой онтологии — антиэссенциализмом, антиредукционизмом и гетерогенностью. Согласно новым онтологиям и энактивизму, человек — это некая замкнутая сама в себе 'самость'. В рамках энактивизма человек получает наиболее 'экологичную' стратегию познания многообразия. Такая стратегия охватывает не только 'экологию' безличных самоорганизующихся систем, но и человеческого разума, включая принципы сложного мышления. Наиболее близкой к наукам о сложности является позиция аутопозитивного энактивизма, избегающая крайностей биологизма, психологизма, солипсизма, схематизма в познании многообразия.

Ключевые слова: сложность, науки о сложном, новые онтологии, телесность, философия сложности, энактивизм.

1. Введение. Становление человека происходит в непрерывном взаимодействии со средой обитания. Человек сталкивается с многообразием в самых разных его проявлениях: многообразие вещей, субъективных переживаний и социокультурных практик. При этом оказывается, что действительность открывается не абстрактному субъекту, а конкретному человеку. Нам необходимо научиться жить в условиях вызовов многообразия, выработать практики организации своего опыта в ситуациях неопределенности. Это требует эпистемологических стратегий включения в познавательный процесс не только трансцендентального, но и эмпирического субъекта.

В рамках современной теории познания следует решить целый ряд проблем, обусловленных развитием научного знания, эпистемологическим кризисом, необходимостью философского осмысления актуальных положений науки. Вектор развития современного научного знания тесно связан с достижениями наук о сложном, в основе которых лежит мысль о том, что мир является сложной системой и сложность представляет собой имманентную характеристику реальности. Поскольку сложные саморазвивающиеся системы являются открытыми, неразрывно связанными с внешней средой, необходимо преодолеть субъектно-объектный дуализм, создать теорию познания, которая включает в себя эмпирического субъекта. Концептуализация представлений о сложности стимулировала переосмысление стратегий познания многообразия, поиск актуальных практик взаимосвязи человека со средой обитания.

В настоящее время ключевые достижения кибернетики, синергетики и целого ряда других наук интегрируются в рамках так называемых 'наук о сложном' (science of complexity), склонных к критике радикальной редукции, которой, однако, недостает философского обоснования. Притязания наук о сложности на универсальность кажутся несостоятельными из-за отсутствия развернутой эпистемологической программы, с помощью которой могла бы происходить реконструкция сложности. Поэтому нам следовало бы обратиться к актуальному комплексу эпистемологических стратегий, так или иначе направленных на изучение многообразия. Необходимо разработать рефлексивную эпистемологию, которая была бы когерентна наукам о сложном. Таким образом, логика нашего исследования предполагает поиск определения сложности, фиксацию диалектической связи объективных и субъективных характеристик сложности, обращение к ключевым эпистемологическим следствиям так называемых 'новых онтологий', рассмотрение эпистемологии конструктивизма и осмысление перспективы использования различных форм энактивизма в качестве эпистемологии наук о сложном.

2. Проблемы определения сложности. Слово 'сложный' относится к нашему повседневному словарю. Понятие сложности только получает свое последовательное осмысление в рамках философии. В рамках науки сложность долгое время рассматривалась как заблуждение, нечто кажущееся, эпифеномен. Современный комплекс наук о сложности по-прежнему не предлагает нам общезначимого определения сложности, — она трактуется как си-

стемная опорная категория, характеристика, указывающая на большое число элементов, связей, взаимодействий, степеней свободы.

Что же такое сложность? В одном из исследований мы уже обозначили несколько подходов к сложности: редукционистский, умеренно-редукционистский, сложностный и радикально-холистический [1]. В рамках редукционистского подхода сложность рассматривается как агрегат: сложность не есть самостоятельная сущность, а только эпифеномен, совокупность простых элементов. Умеренно-редукционистский рассматривает сложность в качестве следствия нашего незнания или неумения подвести обнаруженную сложность под известный 'простой' закон. Сложностный подход предполагает рассмотрение сложности как самостоятельного феномена и конструирование особого сложного мышления, когерентного 'сложностному' миру. Радикально-холистическая установка по отношению к сложности конституирует её как принципиально нередуцируемую целостность.

В контексте настоящего исследования мы предлагаем все это многообразие определений сложности разделить на 'объективистские' и 'субъективистские'. В первом приближении можно сказать, что объективистские определения сложности вырастают из агрегативного понимания сложности как выражение многомерного устройства объекта, совокупности элементов, связей, параметров, внутренних и внешних отношений. Сложность видится как принцип, обеспечивающий многообразие. Субъективистские определения сложности указывают на взаимосвязь конструктивных особенностей сложных объектов с познающими особенностями субъекта и среды его обитания. В первом случае сложность рассматривается как некая конструкция, в буквальном смысле, сложное как нечто 'сложенное из...'. Во втором случае сложность видится конструктивистски, рассматривается как конструкция, продукт активного взаимодействия человека со средой.

В действительности объективные и субъективные аспекты сложности накладываются, друг на друга порождая актуальную проблему поиска общезначимого определения сложности. Наиболее близкое нам определение сложности указывает на сложность как интегрированное многообразие. В контексте нашего исследования сложность видится в контексте конструктивно-реалистического подхода: сложность имеет объективные основания, раскрывающиеся через конструктивную деятельность субъекта. Вместе с тем такой ракурс требует рефлексии взаимосвязи объективных и субъективных особенностей сложности.

3. Взаимосвязь объективных и субъективных аспектов сложности. В рамках европейской культуры в течение продолжительного времени господствовал субъектно-объектный подход к организации познания действительности, сосуществовали разного рода крайности в отношении субъекта и объекта. В историко-философской традиции мы встречаемся как с практиками устранения субъекта (например, в рамках позитивизма), так и метафизическим устранением объекта (в рамках солипсизма). Метафизическое устранение субъекта также находит свое выражение в современных 'плоских' онтологиях, в которых провозглашается своего рода 'демократия объектов'.

История философии позволяет нам обнаружить взаимосвязь объективных и субъективных прояв-

лений сложности. Объективное многообразие мира получает свое объяснение через введение представлений о множестве первоэлементов, стихий или атомов. Субъективный аспект сложности мы находим в подходе софистов и философии Сократа. Несмотря на то, что он предлагал нам сосредоточить внимание на инвариантных структурах нашего мышления, Сократ указывал и на необходимость строить диалог соразмерно с субъектом. В дальнейшем рефлексия объективных и субъективных характеристик сложности находит свое выражение в христианском богословии, философии Нового времени. Блез Паскаль отмечал, что в процессе познания мы отпечатываем наше сложное существо на всех созерцаемых простых вещах. Френсис Бекон подчеркивал двойственное положение познающего разума, обращенного к многообразию [2, с. 25]. Георг Гегель говорил о том, что вся наша познавательная деятельность является опытом обнаружения сложности [3, с. 270].

В работах философов и ученых активно воспроизводилась метафора ума как своего рода зеркала, в котором мы 'находим' объективную репрезентацию действительности. Мир 'обязан' соответствовать логико-методологическим стандартам рациональности, в которой предполагается дихотомия субъекта и объекта, внутреннего и внешнего. Данный подход редуцировал человека до трансцендентального субъекта, который как бы возвышается над внешним многообразием-сложностью действительности. Получается, что человек живет в мире, но самого человека в мире нет. Точнее говоря, человек — это нечто 'внеэмпирическое', наблюдающее сознание, обреченное на то, чтобы познавать объективный мир, но при этом всегда оставаться 'за кадром', выступать как что-то 'внешнее' для объективной действительности. Когнитивные функции рассматривались как простая данность, вне какого-либо онтогенетического и филогенетического развития.

Сложность открывается нами как многообразие вещей и явлений, которые находятся за пределами нашего сознания. Концептуализация идеи эволюции, представлений о сложных саморазвивающихся системах, в науке и философии заставили посмотреть на человеческое познание иначе: жизнь есть познание, человек принадлежит миру в его конституируемой сложности и многообразии, а когнитивная эволюция и модели самоорганизации сложных систем имеют общие основания. Для современной науки сложность представляет собой онтогносеологическую характеристику системы, включающей объекта, субъекта и среду его обитания (как природную, так и социокультурную).

Эволюционная эпистемология подчеркивает, что человека первоначально не интересовало открытие 'объективной реальности', поскольку жизнь предполагает не отражение действительности, а необходимость адаптации и выживания, требует от нас интегрировать в собственном опыте многообразие в самых разных его проявлениях. Сложность существует везде, где есть множество взаимосвязанных элементов, момент неопределенности, взаимодействия или обратная связь. В этом контексте сложность указывает на момент сопряжения человека со средой. Взаимосвязь объективных и субъективных аспектов сложности позволяет нам утверждать, что сложность представляет собой не следствие воздействия на сенсорную систему человека действительности, не ментальную репрезентацию, а результат

‘энактированного’ познания. Тот факт, что мир кажется субъекту объективно внешним, можно интерпретировать как проявление свойства системы выделять себя из среды для поддержания своей автономности. Сложность в этом случае представляет собой динамическую ‘вплетенность’, активную ‘вписанность’ субъекта и объекта в многообразную систему связей и отношений как гетерогенную иммерсивную среду. Похожие идеи находят свое отражение в ‘новых онтологиях’, в которых нам предлагаются процессуальная онтология становления, переосмысление несоизмеримости субъекта и объекта познания в пользу объекта.

4. Науки о сложном и новые онтологии. Науки о сложном предлагают нам децентрированную онтологию, в которой, на первый взгляд, мир и человек представляют собой равнозначные части единого системного образования, открывающие нам свои особенности в процессе взаимодействия. В этом контексте уместным было бы обратиться к некоторым принципам новых онтологий, состоящих из сети разнородных концепций, иногда также называемых ‘плоскими’ онтологиями (flat ontology).

Принципы новых онтологий довольно разнообразны; здесь мы найдем и антиэссенциализм, и антиредукционизм, и идеи гетерогенности, и радикальную критику классических философских дихотомий (материальное/идеальное, бытие/мышление, субъект/объект и т.п.). Некоторые новые онтологии ориентированы на процессуальность (отношения/изменчивость/текучесть), в то время как другие — на объекты, имея целью отказ от иерархий и провозглашая одинаковый онтологический статус каждого из объектов (метафора плоскости). Не претендуя на детальную реконструкцию, мы рассмотрим наиболее общие принципы новых онтологий (в частности, ООО Грэма Хармана, АСТ Бруно Латура и др.).

Объектно-ориентированная онтология Хармана (ООО) выступает против редукции, корреляционизма и теории репрезентации. Как отмечает Оксана Головашина, «мир Хармана статичен, потому что его внимание акцентируется не на взаимодействии, предопределяющих ‘текучесть мира’, а на объектах» [4, с. 9]. Объектно-ориентированная онтология признает два вида объектов (реальные и чувственные) и два вида качеств (реальные и чувственные) [5, с. 80]. Она показывает нам мир, в котором человек существует на правах объекта (по причине своей телесности) в пространстве связей, порождаемых множественными объектами. Согласно принципам объектно-ориентированной онтологии, человек не может помыслить самого себя без окружающих его вещей. Помимо прочего, если человек есть объект, то возможно предположить и обратное: объекты в некотором роде являются ‘людьми’. Эта мысль находит свое развитие в рамках понятия ‘гиперобъект’ Тимоти Мортон. В философии Мортон гиперобъекты обладают множеством характеристик, обнаруживают в себе свойства иммерсивности [6, с. 181]. Бытие человека как объекта оказывается здесь завязано на бытии гиперобъектов — ‘вязких’ (‘прилипают’ к другим объектам), ‘нелокальных’ (отдельные проявления не могут исчерпать их сущности), фазовых, многомерных структур. Единство человека и природы принимает форму тотальной иммерсивной среды¹. Как замечает Мортон, «человеческий фенотип в настоящее время, похоже, охватывает значительную часть поверхности Земли и проникает вглубь ее коры — до определенного

уровня, и именно поэтому мы называем современный геологический период антропоценом. Так что, если теперь подумать о среде, произойдет нечто интересное. Если вы будете искать среду, которая была бы выше форм жизни и выходила бы за их пределы, вы ее не найдете» [7, с. 208]. Похожие позиции занимает одна из представительниц нового материализма Джейн Беннетт, когда утверждает единство, равнозначности витальности человека и природы, которая рождается из ‘множественного ассамбляжа’ сложных и простых тел, физических и психологических эффектов [8, с. 151]. Познание видится как ‘со-настройка’ с гиперобъектами, посредством которых человек оказывается буквально вписан в мир.

Акторно-сетевая теория Латура также отстаивает ценность множественности и гетерогенности, выстраивая мир в виде совокупности актантов, находящихся в постоянных (гипер-)реляциях друг с другом. Актант — это любой предмет или существо (в том числе и человек), совершающее действие или испытывающее воздействие. Актанты являются частью сетевого взаимодействия, которое разворачивается здесь и сейчас. Акторно-сетевая теория может быть охарактеризована как реляционная онтология, где существование актантов (вещей, объектов, людей), с одной стороны, представляет собой многомерную совокупность ракурсов и перспектив, а с другой стороны, оказывается замкнуто в рамках локальных сетевых взаимодействий.

Таким образом, новые онтологии предлагают нам принять гетерогенную картину действительности, критику редукционизма и субъектно-объектной дихотомии. Они исключают из мира инстанцию субъекта, ведь человек — это просто объект наряду с множеством других объектов. В новых онтологиях полностью нивелируется необходимость в системно-иерархическом мышлении, в то время как в современных науках о сложности, напротив, оно является конститутивным основанием. Первичной реальностью в плоских онтологиях являются разного рода ‘сборки’ — множества, сети и ассамбляжи. Получается, что человек может помыслить самого себя только в контексте окружающих его объектов, гиперобъектов и акторов. Отдельные дисциплинарные онтологии наук о сложности также отчасти предполагают такого рода идеи, однако, они не доводят их до крайностей, ограничиваясь принципом диалогизма, который вырастает из идеи синергии и не отдает предпочтение ни субъекту, ни объекту. Науки о сложности предлагают видеть мир как сложную саморазвивающуюся систему, а познание — как на сложное сетевое взаимодействие. Человек здесь тоже оказывается сопричастен объектам, которые он познает, что находит свое выражение в принципах авто-эко-организации, человекомерности, коэволюции. Принцип повторного введения познающего исключает ‘зеркальное’ познание и предполагает, что оно есть некоторая конструкция, структурное сопряжение человека и окружающей среды.

Науки о сложном пытаются выстроить онтологию, в которой присутствует иерархия (холархия) и, хотя дихотомия субъекта и объекта здесь отрицается, мир все же не превращается в совокупность гетерогенных, пускай даже и равнозначных объектов и их отношений (‘гибридов’ в терминологии Латура или ‘гиперобъектов’ Мортон). Онтология наук о сложности нельзя называть постгуманистической, поскольку она предполагает явную сопричастность

человека, его соприсутствие в качестве посредника во взаимодействии сложных системных объектов, которое раскрывается посредством конструктивных особенностей сложного мышления. Нам представляется, что этика наук о сложности завязана на сложной природе человека и не стремится уравнивать человека с окружающей действительностью, не лишает его самоценности, уподобляя его 'компо-сту' (как это было сделано в работе Донны Харауэй [9]); напротив, человек активно участвует в процессе симпозиуса.

5. Конструктивизм и эволюционная эпистемология. Особенности современной эпистемологии прямо либо косвенно связаны с критикой репрезентационизма и эссенциализма. По данным современной биологии, нейронаук, когнитивной психологии существует фундаментальная связь между биологической организацией и когнитивными процессами. Функционирование когнитивных систем человека имеет схожие характеристики с природными системами. Живой организм не просто отражает или пассивно претерпевает воздействие среды, он активно ее конструирует.

Современные версии конструктивизма обладают довольно обширными историко-философскими корнями, их следы можно обнаружить в классических трудах Дэвида Юма, Иммануила Канта, Йоганна Фихте, Георга Гегеля и Анри Бергсона. В более позднее время конструктивизм находит свое обоснование в работах Жана Пиаже, Умберто Матураны, Франциско Варелы, фиксирующих структурную конгруэнтность между человеком и средой его обитания. Нервная система человека, по мнению Матураны и Варелы, «по существу следует той же логике, что и нервная система скромной гидры» [10, с. 188]. Ханс Йонас же отмечает, что «противоречия, которые человек обнаруживает в себе, имеют рудиментарные следы даже в самых примитивных формах жизни» [11, с. 129]. Конструктивизм находит свое выражение как в умеренных, так и радикальных формах, в которых происходит сближение когнитивных наук и философии, попытка преодолеть ставшую традиционной субъект-объектную дихотомию в познавательном процессе. Процесс познания принимает в конструктивизме формы аутопоэтической сложной системы, которая активно продуцирует сама себя.

Человеческая деятельность, осуществляясь в границах сложных систем, требует соответствующего познавательного инструментария, соразмерного самоорганизующимся системам внешней среды, выработки 'сложного мышления', учитывающего не только конгруэнтность субъекта и объекта познания, но и эволюционно-исторические аспекты познания. Мысль о том, что человек является частью природы и должен рассматриваться наряду с ее составляющими, легла в основание эволюционной эпистемологии (Конрада Лоренца, Дональда Кэмпбелла, Герхарда Фольмера и др.). Исходная позиция эволюционной эпистемологии состоит в том, что жизнь есть познание, в котором наблюдается соразмерность, взаимообусловленность объективных и субъективных структур познания [12, с. 209]. В этом отношении человек в процессе познания не открывает предзаданную объективную реальность, а выстраивает динамические отношения со средой. Организм активно взаимодействует с окружающей действительностью на основе генетически обусловленной программы [13, с. 62]. В рамках эволюционной эпистемологии подмечает-

ся изоморфизм познавательных способностей человека и среды. По мысли Руперта Ридля, «соответствие между иерархиями мышления и иерархией природы слишком значительно, чтобы быть случайным» [14, с. 182].

Конструктивизм (особенно в своей радикальной форме) и эволюционная эпистемология подчеркивают диалогизм во взаимоотношениях сложных саморазвивающихся систем, человека и среды. Феноменальный мир рассматривается как конструктивное образование, а познание — как своего рода 'транзакция' и 'конструкция'. Основываясь на идеях множественности, разнообразия и диалогизма, взгляды конструктивизма и эволюционной эпистемологии оказываются когерентны представлениям наук о сложности.

6. Истоки энактивизма. Энактивизм претендует на статус эпистемологической стратегии, углубляющей связь между субъектом и объектом, переосмысляющей границу между внутренним и внешним в познавательной деятельности. Если новые онтологии устраняют субъекта, то энактивизм, напротив, отдает приоритет связи между человеком и окружающей действительностью.

Возникновение энактивизма обычно связывают с развитием кибернетики и появлением понятия 'воплощенное познание' (embodied cognition), которое впервые было предложено в работе Франциско Варелы, Эвана Томпсона и Элеоноры Рош *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience* [15]. В этой работе переосмыляется дихотомия души и тела, конституируется модель активного познания, основанного на непрерывном диалоге организма и среды. Идейными предшественниками энактивизма часто называют Дэвида Юма, Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти². Мысль последнего о том, что тело — это 'ось мира', находит в энактивизме свое развитие и научное обоснование.

По мнению Энтони Чемеро, энактивизм исходит из того, что всякий организм представляет собой самоорганизующуюся, автономную, автопоэтическую систему [17, р. 152]. Переосмысление взаимосвязи организма и среды можно найти в работах немецкого биолога Якоба фон Икскюля, в которых подчеркивается, что организмы — это активные субъекты, каждый из которых обитает в своем феноменальном мире (Umwelt)³.

Таким образом, в основе энактивизма лежат представления о динамическом взаимодействии организма и среды его обитания. Тезис о непрерывности жизни и разума является ключевой особенностью энактивистского подхода. Принципы энактивизма можно выразить в нескольких ключевых тезисах. Во-первых, познание несет на себе отпечаток телесности человека, его когнитивной размерности. Во-вторых, познание не предполагает движение абстрактного субъекта вглубь гипотетического объекта, познание ситуационно, контекстуально связано как с внутренним материальным нейронным субстратом (нервной системой), так и с внешней действительностью (в том числе и социокультурной). В-третьих, когнитивные структуры являются эмерджентными. В-четвертых, когнитивные системы являются динамическими и самоорганизующимися. Телесность, ситуационность, погруженность, воплощенность, интерактивность, инкорпорированность становятся маркерами энактивизма. Это своего рода 'биокибернетическое' понимание мира, основанное на представлении

о самоорганизации человеческого разума в процессе познания действительности.

7. Энактивизм и представления о сложности.

Принято выделять три ключевые ветви энактивизма: сенсомоторный, аутопоэзисный и радикальный. Сенсомоторный энактивизм (Альва Ноэ, Кевин О'Реган) указывает на существование особого 'сенсомоторного знания', которое оказывается тесно связанным с нашим телом и его активностью [19, р. 2]. Переживание многообразия мира описывается как некоторая совокупность телесных (сенсомоторных) совпадений и последующее формирование представлений о том, как они соответствуют действительности. Восприятие рассматривается как действие, которое не локализовано рамками человеческого тела. Активность человека, использование орудий труда выносят человека за границы его телесности. Как замечает Ноэ, «осознание мира вокруг нас — это то, что мы делаем: мы энактивируем его — с помощью самого мира — в нашей динамической жизненной активности» [20, р. 64]. Мысль о том, что свойства вещей не есть ментальные сущности, а реляционные свойства сближают сенсомоторный энактивизм с реляционной онтологией Латура. Данный подход позволяет найти субстанциональное обоснование взаимосвязи субъективной и объективной сложности, избегая редукционизма, психологизма и биологизма. Сложность в этом ключе можно описать как пространство сопряжения человека и среды.

Аутопоэзисный энактивизм (Эван Томпсон, Франциско Варела) углубляет исходные установки энактивистского подхода, уделяя особое внимание проблемам рекурсивной связи организма и среды, познающего и познающего. В работе *Древо познания* Матурана и Варела подчеркивают, что нервная система не отражает многообразие действительности, а конструирует, 'создает мир' соответственно собственной структуре [10, с. 202]. Познание рассматривается как естественное продолжение жизни, 'воплощенное действие', которое предполагает единство когнитивного агента и среды. С одной стороны, сенсомоторная активность является источником феноменального опыта, а с другой стороны, сама оказывается детерминированной разнообразными контекстами (от биологических до социокультурных). Сложность здесь возникает вместе с действием, и такая позиция коррелятивна рассуждениям акторно-сетевой теории, в которой сущностные свойства всех объектов (актантов) обнаруживаются только в процессе их взаимодействия друг с другом (медиации) в рамках сетевого взаимодействия. Расширение возможностей для действия становится маркером усложнения. Биологическое и социокультурное усложнение в этом случае можно трактовать как своего рода 'естественный дрейф', в котором происходит аутопоэзис человека, вначале по отношению к природе, а затем — к культуре.

Радикальный энактивизм (Дэниел Хутто, Эрик Миин) не предлагает позитивной эпистемологической программы, указывая на несуществующие противоречия предшествующих программ, критикуя их за недостаточную радикальность по отношению к понятию 'ментальная репрезентация'. Все ментальные репрезентации человека представляют собой исключительно продукты языка и культуры и не могут претендовать на статус выражения феноменального опыта [21, с. 65]. Такие категории, как 'истина', 'точность', 'референция', ничему в объек-

тивной действительности не соответствуют. Нет никакого предзаданного содержания объективной действительности, содержание не извлекается, а конструируется. Сложность в этом контексте следует рассматривать исключительно как эпистемологический феномен, отражающий особенности познавательной деятельности и среды, в которой она обнаруживается.

Энактивизм (как и науки о сложном) не представляет собой однородного направления. В первом приближении энактивизм, декларируя функциональное равенство субъекта и объекта, обнаруживает сходство с рядом идей новых онтологий. Для энактивизма тоже характерен интерес к динамизму и реляционности, ситуативным, партиципаторным, нелокальным пространствам, в которых на равных (в роли 'актеров', следуя терминологии Латура) участвуют разум, психика, тело и окружающая действительность. Образ коэволюционного ландшафта, когнитивной ниши, порождающей многообразие взаимопересекающихся жизненных миров, сближает взгляды энактивизма с понятием 'хтулупена', которое развивается в новом материализме Харауэй.

Рассуждая об онтологических следствиях энактивизма, Елена Князева отмечает, что «мы разбросаны по миру, мы динамически распределены, мы в вещах и событиях, в которые мы вовлечены и которые, в свою очередь, вовлекают нас» [20, с. 188]. В схожем ключе высказывается и Дэниел Хутто: «содержимое нашего ума вокруг нас — в искусстве и артефактах, которые мы производим, и в учреждениях, которые мы создаем» [22, р. 75–76]. Такого рода суждения сближают радикальный энактивизм с представлениями Мортон о мирах, в которых гиперобъекты принимают формы глобальной иммерсивной среды. Следуя логике подобных рассуждений, можно сказать, что человек оказывается как бы 'упакован' в сложность, которая выступает как своего рода пространство сопряжения человека и среды. Схожие мысли высказывает и Клаус Майнцер: «интеллект возникает через преодоление сложности в соответствующей окружающей среде, выступающей как система» [23, с. 100].

Полагаем, что корреляция идей энактивизма и новых онтологий имеет значительный эвристический потенциал. Философия сложности также вполне могла бы использовать наработки новых онтологий для создания целостного представления о сложности в ее объективном и субъективном измерении.

Науки о сложности и энактивизм можно рассматривать как взаимодополняющие направления, опирающиеся на представления об эволюции, системном единстве, циклической детерминации, целостности и эмерджентности. Обращает на себя внимание согласованность ряда положений энактивизма и принципов сложного мышления. Более того, нам представляется, что данные принципы прямо вырастают из допущения энактивированного, 'воплощенного' разума. Энактивизм, с одной стороны, выступает в роли субстанционального основания сложного мышления, фиксирующего 'биологию' познания, указывающего на зыбкую границу между объективной сложностью действительности и субъектом ее познающим; с другой стороны, сложное мышление есть вариант проявления энактивистского подхода, в котором подчеркивается диалогизм, обратная связь, рекурсивность между познающим и познаваемым.

8. Заключение. Новые онтологии и энактивизм в равной степени настаивают на том, что человек — это не замкнутая сама в себе 'самость'. Та же самая мысль находит свое отражение и в рамках наук о сложном. Однако новые онтологии доводят идею отрицания различий до крайности: мир в них представляется нейтральным, бесформенным и схематичным. Мы полагаем, что энактивизм избавлен от такого рода крайности и в большей степени соответствует идеалам коэволюционного единства. По мысли Елены Князевой [24, с. 91], энактивизм представляет собой возврат эпистемологии к истокам, олицетворяя возвращение к 'живому' познавательному процессу, за пределами разного рода классических рационалистических надстроек, дихотомий субъекта и объекта, разума и тела.

Энактивизм можно оценивать как результат синтеза разнородных взглядов на связь человека и среды, самостоятельную исследовательскую программу, естественное развитие традиционного когнитивизма и даже современный аналог натурфилософии. Ведь, как указывает Шон Галлахера, «энактивизм включает в себя не только переосмысление природы разума и мозга, но и переосмысление самой концепции природы» [25, с. 126]. Он предлагает нам своего рода 'экологию' познания, модель натуралистической феноменологии, которой в меньшей степени свойственен выхолащенный схематизм новых онтологий, редуцирующий действительность до совокупности гетерогенных объектов.

В рамках энактивизма сохраняется продуктивная стратегия эволюционного мышления, опирающегося на представления о сложных самоорганизующихся системах, в которых признается ценность человеческого разума.

В целом, в рамках энактивизма человек получает наиболее 'экологичную' стратегию познания сложности. Подобная стратегия охватывает не только внешнюю, безличную экологию самоорганизующихся систем, но и включает экологию человеческого разума, принципы сложного мышления, предполагая активное взаимодействие с миром, коммуникацию между людьми. Подобная экология формирует представления о многообразии как коэволюционном единстве (холархии), что дает более широкое понимание базовых принципов функционирования и сосуществования тела и разума, когнитивного агента (субъекта) и среды (объекта), человека и природы.

Примечания

¹ В описаниях среды, порождаемой гиперобъектами, присутствует некоторое сходство с позициями энактивистской эпистемологии (например, в понятии 'экомимезис' Мортон).

² В духе энактивизма высказывались и некоторые отечественные философы. В частности, размышляя о человеке, единстве макро- и микрокосма, Павел Флоренский пишет, что «в Среде нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хотя бы не имелось бы у Человека; и в Человеке нет ничего такого, что в увеличенных, — скажем временно, — размерах, но разрозненно не нашлось бы у Среды» [16, с. 441–442].

³ Концепция Umwelt бросает вызов человеческой исключительности и обладает ярко выраженной концептуальной пластичностью, способствуя возникновению разного рода философских интерпретаций, в том числе и взаимоисключающих [18, р. 17]. Так, например, идеи Иксюля находят свое отражение в новых онтологиях (метафора 'зоны' Мортон, образ 'хтулуцена' Харауей и т.д.).

Библиографический список

1. Ополе П. В. Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 15–23. DOI: 10.17223/1998863X/48/2.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Москва: Мысль, 1970. Т. 1. 452 с.
3. Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения в двух томах. Москва: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–214.
4. Головашина О. В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 1. С. 4–16. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.101.
5. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: Новая 'теория всего' / пер. с англ. М. Фетисова. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
6. Мортон Т. Статья экологичным / пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2019. 240 с.
7. Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. с англ. В. И. Абраменко. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
8. Беннет Д. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / пер. с англ. А. Саркисьянца. Пермь: Гиле пресс, 2018. 220 с.
9. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулуцене / пер. с англ. Д. Я. Хамис, П. А. Хановой, А. А. Писарева. Пермь: Hyle Press, 2020. 340 с.
10. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. Москва: УРСС; ЛЕНАНД, 2019. 320 с.
11. Jonas H. The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology. Chicago: The University of Chicago Press, 1966. 303 p.
12. Фолмер Г. По разные стороны мезокосма / пер. с нем. Е. Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 225–250.
13. Лоренц К. Кантовская концепция a priori в свете современной биологии / пер. с англ. А. Б. Толстова // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 43–74.
14. Ридль Р. Эволюция и эволюционное познание / пер. с англ. Н. М. Смирновой // Эволюционная эпистемология. Антология. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 179–188.
15. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 322 p.
16. Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Москва: Мысль, 2000. Т. 3. 631 с.
17. Chemero A. Radical Embodied Cognitive Science. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 272 p.
18. Feiten T. E., Holland K., Chemero A. Reassessing von Uexküll's Umwelt in Embodied Cognition with Canguilhem, Merleau-Ponty, and Deleuze // Journal of French and Francophone Philosophy. 2020. Vol. 28, № 1. P. 1–26. DOI: 10.5195/jffp.2020.929.
19. Noe A. Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 277 p.
20. Block N. Action in Perception by Alva Noë // Journal of Philosophy. 2005. Vol. 102, № 5. P. 259–272. DOI: 10.5840/jphil2005102524.
21. Князева Е. Н. Энактивизм: Новая форма конструктивизма в эпистемологии. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.
22. Hutto D. D. From Radical Enactivism to Folk Philosophy // The Philosophers' Magazine. 2020. № 88. P. 75–82. DOI: 10.5840/tpm20208815.
23. Майнцер К. Исследуя сложность: от искусственной жизни и искусственного интеллекта к киберфизическим си-

стемам / пер. с нем. Е. Н. Князевой // Философия науки и техники. 2015. Т. 20, № 2. С. 85–105.

24. Князева Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–104.

25. Gallagher S. Enactivist Interventions: Rethinking the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2017. 249 p.

ОПОЛЕВ Павел Валерьевич, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета», г. Омск.

SPIN-код: 8527-6626

AuthorID (РИНЦ): 635703

ORCID: 0000-0001-8313-0975

AuthorID (SCOPUS): 57210105995

ResearcherID: L-3705-2018

Адрес для переписки: pvo-sinergetica@rambler.ru

Для цитирования

Ополев П. В. Энактивизм как эпистемология наук о сложном // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 118–126. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-118-126.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022 г.

© П. В. Ополев

ENACTIVISM AS AN EPISTEMOLOGY FOR SCIENCE OF COMPLEXITY

Contemporary science of complexity have a significant impact on ideas about the relationship between humans and the environment. They integrate the achievements of systems approach, cybernetics, synergetics, constructing an ontology of diversity, which requires a radical conceptual turn in epistemology. Enactivism is an under-appreciated epistemological strategy that proceeds from notions of complex self-organising systems, the kinds of relationship between the knower and the knowable. Declaring the functional equality of subject and object, enactivism shows similarities with some of the new ontology principles — anti-sensationalism, anti-reductionism and heterogeneity. According to the new ontologies and enactivism, the human being is not a self-contained 'selfness'. Under enactivism, man is given the most 'ecological' strategy for knowing diversity. This strategy covers not only the 'ecology' of impersonal self-organising systems, but also the human mind, including the principles of complex thinking. The closest to science of complexity is the position of autopoiesis enactivism, which avoids the extremes of biologism, psychologism, solipsism, and schematism in the cognition of diversity.

Keywords: complexity, science of complexity, new ontologies, corporeality, philosophy of complexity, enactivism.

References

1. Opolev P. V. Problemy kontseptualizatsii slozhnosti v nauke i filosofii [Problems of Conceptualization of Complexity in Science and Philosophy] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2019. No. 48. P. 15–23. DOI: 10.17223/1998863X/48/2. (In Russ.).
2. Hegel G. W. F. Nauka logiki. V 3 t [Science of Logic. In 3 vol.]. Moscow, 1970. Vol. 1. 452 p. (In Russ.).
3. Bacon F. Novyy organon [Novum Organum] // Sochineniya v dvukh tomakh [Essays in 2 volumes]. Moscow, 1978. Vol. 2. P. 5–214. (In Russ.).
4. Golovashina O. V. Ob'yektivnaya ontologiya? Metafizika G. Kharmana [Objective ontology? G. Harman's Metaphysics] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. 2018. Vol. 34, Issue 1. C. 4–16. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.101. (In Russ.).
5. Harman G. Ob'yektno-orientirovannaya ontologiya: Novaya 'teoriya vsego' [Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything] / trans. by Engl. M. Fetisov. Moscow, 2021. 272 p. (In Russ.).
6. Morton T. Stat' ekologichnym [Being Ecological] / trans. by Engl. D. Kralechkin. Moscow, 2019. 240 p. (In Russ.).
7. Morton T. Giperob'yekty: Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira [Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World] / trans. by Engl. V. I. Abramenko. Perm, 2019. 284 p. (In Russ.).
8. Bennett J. A. Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey [Vibrant Matter. A Political Ecology of Things] / trans. by Engl. A. Sarkisyants. Perm, 2018. 220 p. (In Russ.).
9. Haraway D. Ostavayas' so smutoy: Zavodit' sorodichey v khtulutsene [Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene] / transl. by Engl. D. Ya. Khamis, P. A. Khanova, A. A. Pisarev. Perm, 2020. 340 p. (In Russ.).
10. Maturana H., Varela F. Drevo poznaniya: Biologicheskoye korni chelovecheskogo ponimaniya [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding] / trans. by Engl. Yu. A. Danilov. Moscow, 2019. 320 p. (In Russ.).
11. Jonas H. The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology. Chicago: The University of Chicago Press, 1966. 303 p. (In Engl.).
12. Vollmer G. Po raznyye storony mezokosma [Diesseits und Jenseits des Mesokosmos] / transl. by Germ. E. N. Knyazeva // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary Epistemology. Anthology]. Moscow, 2012. P. 225–250. (In Russ.).
13. Lorenz K. Kantovskaya kontseptsiya a priori v svete sovremennoy biologii [The Kantian Concept of a priori in the Light of Contemporary Biology] / trans. by Engl. A. B. Tolstov // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary Epistemology. Anthology]. Moscow, 2012. P. 43–74. (In Russ.).
14. Riedl R. Evolyutsiya i evolyutsionnoye poznanie [Evolution and Evolutionary Knowledge. On the Correspondence between Cognition Order and Nature] / transl. by Eng. N. M. Smirnova // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary Epistemology. Anthology]. Moscow, 2012. P. 179–188. (In Russ.).
15. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 322 p. (In Engl.).
16. Florensky P. A. Sochineniya v 4 t. [Essays. In 4 vols.]. Moscow, 2000. Vol. 3. 631 p. (In Russ.).
17. Chemero A. Radical Embodied Cognitive Science. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 272 p. (In Engl.).
18. Feiten T. E., Holland K., Chemero A. Reassessing von Uexküll's Umwelt in Embodied Cognition with Canguilhem, Merleau-Ponty, and Deleuze // Journal of French and Francophone Philosophy. 2020. Vol. 28, no. 1. P. 1–26. DOI: 10.5195/jffp.2020.929. (In Engl.).
19. Noe A. Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 277 p. (In Engl.).

20. Block N. Action in Perception by Alva Noa // Journal of Philosophy. 2005. Vol. 102, no. 5. P. 259–272. DOI: 10.5840/jphil2005102524. (In Engl.).

21. Knyazeva E. N. Enaktivizm: Novaya forma konstruktivizma v epistemologii [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow, 2014. 352 p. (In Russ.).

22. Hutto D. D. From Radical Enactivism to Folk Philosophy // The Philosophers' Magazine. 2020. No. 88. P. 75–82. DOI: 10.5840/tpm20208815. (In Engl.).

23. Mainzer K. Issleduya slozhnost': ot iskusstvennoy zhizni i iskusstvennogo intellekta k kiberfizicheskim sistemam [Exploring Complexity: From Artificial Life and Artificial Intelligence to Cyberphysical Systems] / trans. by Germ. E. N. Knyazeva // Filosofiya nauki i tehniki. *Philosophy of Science and Technology*. 2015. Vol. 20, no. 2. P. 85–105. (In Russ.).

24. Knyazeva E. N. Enaktivizm: kontseptual'nyy povorot v epistemologii [Enactivism: A Conceptual Turn in Epistemology] // Voprosy filosofii. *Voprosy Filosofii*. 2013. No. 10. P. 91–104. (In Russ.).

25. Gallagher S. Enactivist Interventions: Rethinking the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2017. 249 p. (In Engl.).

OPOLEV Pavel Valeryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 8527-6626

AuthorID (RSCI): 635703

ORCID: 0000-0001-8313-0975

AuthorID (SCOPUS): 57210105995

ResearcherID: L-3705-2018

Correspondence address: pvo-sinergetica@rambler.ru

For citations

Opolev P. V. Enactivism as an epistemology for science of complexity // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 118–126. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-118-126.

Received September 14, 2022.

© P. V. Opolev